

И.В. КУДРЯШОВА, В.В. МАТЮХИН
ТУРЦИЯ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИНТЕРЕСЫ
И ИМПЕРСКОСТЬ*

В современной внешней политике Турецкой Республики (ТР) политики и специалисты отмечают две основные тенденции: это рост активности в региональных делах и на мировой арене и появление новых предпочтений. Обе тенденции особенно заметны на фоне привычной в XX в. внешнеполитической пассивности страны и столь же привычного атлантизма. Как приоритет внутренних задач, так и прозападный курс были характерны для нее с момента образования: сосредоточенность Ататюрка на национальном строительстве прекрасно выразила закрепленная в конституции максима «Мир в доме, мир в мире»; он же сделал вестернизацию неотъемлемой частью турецкой жизни. После Второй мировой войны преференции и нужды Турции объективно совпадали с интересами безопасности Запада. Внешнеполитические инициативы праволиберального правительства Т. Озала в конце 1980-х – начале 1990-х¹, хотя и обозначили стремление диверсифицировать внешнюю политику, не говорили о смене тенденции.

* Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-03-00468 «Ислам и современное политическое развитие мусульманских государств».

¹ К числу этих инициатив можно отнести заявку Турции на членство в ЕС, активную поддержку действий многонациональных сил по освобождению Кувейта, налаживание отношений с новыми независимыми государствами Центральной Азии и Азербайджаном.

В 2000-х годах ситуация начала меняться. Все более самостоятельное поведение Анкары в рамках НАТО, энергетическое и торговое сотрудничество с Россией, антиизраильские настроения, поддержка иранской ядерной программы, активная деятельность в арабском регионе дали западным и российским аналитикам повод говорить об отходе Анкары от односторонней ориентации на атлантизм. Более того, многие из них подозревают ее в «империалистических устремлениях» в отношении территорий, входивших когда-то в состав османского государства, называя такой курс «неоосманизмом».

Этот термин отвергается турецкими властями из-за многочисленных негативных коннотаций (подавление движений за независимость на Балканах, арабо-османские конфликты, империя как «эпоха отсталости» и пр.). Например, министр иностранных дел А. Давутоглу периодически критикует подобное определение национальной внешней политики, утверждая, что Турция обладает «более широким видением» [Davutoğlu:Yeni Osmanlılıktan...]. Тем не менее история, геополитика и, главное, быстрое экономическое и политическое усиление страны делают тезис о восстановлении ее влияния на постимперском пространстве достаточно весомым. В таком контексте вопрос об отношении власти к османской традиции приобретает новую актуальность и современное политологическое звучание. В связи с этим наша основная задача состоит в том, чтобы выяснить, что представляет собой османизм, как он соотносится с неоосманизмом и какое влияние оказывает на формирование сегодняшнего представления Турции о мире и своей роли в нем.

Что такое османизм?

Слово «неоосманизм» (или «новый османизм») стало широко использоваться в публицистике и научной литературе сравнительно недавно, но оно не является неологизмом. Его история уходит корнями в середину XIX в., когда в Османской империи была создана тайная политическая организация «Общество новых османов». Его члены, представители нарождающегося интеллектуального слоя, разработали концепцию османизма, в основе которой лежала идея об укреплении имперской власти путем утверждения

конституции, парламентаризма и создания «османской нации» на основе интегрирования в единое сообщество сотен этнических, религиозных, региональных и социальных групп, т.е. превращения подданных султана в граждан, равных перед законом независимо от веры, происхождения и языка. Определенные правовые предпосылки к этому были: по Закону 1869 г. подданство определялось только на территориальной основе, без учета конфессиональной принадлежности, но сам концепт единого территориального государства-нации, гомогенность которого достигается с помощью равных гражданских прав, не имел прецедентов в османской или исламской истории. Новые османы стремились убедить мусульманское население, что конституционализм и парламентаризм соответствуют принципам и институтам ислама, таким как *джамаат* (местное сообщество), *шура* (совет), *иджмаа* (мнение сообщества), *мушавара* (консультации с целью принятия решения).

К середине 1870-х годов в политической элите Османской империи заметно усилились позиции сторонников конституции. Она была принята в 1876 г. при Абдул Хамиде II (1876–1909) и официально закрепила основные права и свободы граждан империи независимо от вероисповедания, учредила двухпалатный парламент и косвенно несколько ограничила права султана, хотя он и оставался неподотчетным никакому органу (см.: [Фадеева, 1985, с. 124–126]). В начале XX в. после фактической отмены конституции и переориентации Порты на панисламизм (о причинах этого см.: [Karpat, 2001, p. 320–322]) преемниками новых османов выступили младотурки, предложившие свою версию османизма: полиэтническая османская нация из албанцев, греков, других небольших этнических групп и тюркского населения Анатолии – и ее тюркизация¹.

Однако османизм как феномен вряд ли можно ограничить рамками отдельной доктрины или периода. Государство Османов являлось одной из величайших имперских систем, функциональность политических, правовых и военных институтов которого в разные периоды ставила под вопрос научную точность дихотомии

¹ В турецком языке нет различия между этнонимами *тюрк* и *турок*; исследователи развели эти понятия, используя *тюркскость* в значении языковой и этнической общности, а *турецкость* – в значении политической нации [подробнее см.: Еремеев, 1980].

«Запад – Восток». На протяжении шести столетий оно было одним из творцов международной политики, оказав значительное (прямое или косвенное) влияние на Ближний Восток, Восточную, Центральную и Западную Европу, Северную Африку, Иран и Индию. На пике своего могущества империя включала в себя Венгрию (1526–1699), Словакию (1596–1699), часть Южной Польши и через вассальный Крым – часть Южной Украины.

Говоря об османском наследии, мы не забываем, что многие имперские институты и нормы уходят корнями в арабское и византийское прошлое, а многие навеяны европейским соседством. Тем не менее они не могут быть выделены из этого наследия, поскольку стали его органической частью (самый яркий пример – ислам).

Наследие ценно тем, что имеет связь с современностью. К внешнеполитической сфере, выступающей предметом нашего интереса, можно отнести многие элементы имперского порядка. В первую очередь это признание себя Османами авангардом мусульманского мира, щитом, прикрывающим его от угроз христиан. Они помогли арабскому Магрибу остановить Реконкисту, блокировали попытки португальского флота захватить через Джидду священные города Мекку и Медину (1517) и создали линию обороны от Адена до Абиссинии. Их контроль над Персидским заливом и Красным морем способствовал возрождению торговли и развитию сирийских и египетских городов, а преобразования султана Селима III (1789–1807) имели непосредственное отношение к первым современным реформам Мухаммада Али (1805–1849) в Египте.

На практике османские владыки, как и европейские правители, четко разделяли государственные и религиозные интересы. К XVI в. идеи единой христианской Европы и крестовых походов стали мифом или средством политических манипуляций правящих элит [Adanir, 2005, p. 396]. Их вытесняла *Realpolitik*, и формирующиеся европейские нации-государства выигрывали от османского противостояния Габсбургам, императорам Священной Римской империи, в Юго-Восточной Европе и на Средиземноморье.

Новая международная система требовала баланса сил, и Порты сначала косвенно, а затем напрямую начала влиять на его сохранение [Inalcik, 1996, p. 21–22]. Заключением Карловицкого мира (1699) она признала важнейшие нормы *jus publicum Europeum*, в частности принцип равенства договаривающихся сто-

рон, а после Крымской войны стала официальным членом Европейского концерта (1856).

Другой важный элемент наследия – религиозная толерантность и способность к инкорпорации завоеванных территорий. Имея в своем составе миллионы христиан на Балканах, Порты была вынуждена, заботясь об их лояльности, разрабатывать соответствующие технологии власти и поддерживать местные религиозные, таможенные, налоговые и другие институты. Для немусульман официальная идентичность определялась принадлежностью к одному из трех, не имеющих административных или территориальных границ, религиозно-культурных сообществ – *миллетов*, находящихся под покровительством халифа: православному, армянскому и иудейскому. Даже сотрудничавшие с завоевателями греческие, сербские, болгарские, албанские офицеры включались как держатели *тимаров* (условных земельных владений) в османский военный класс без принуждения к обращению в ислам [Inalcik, 1996, p. 24]. Греческий, латинский, венгерский, сербский языки использовались в официальной переписке. Сама правящая элита была весьма пестрой с точки зрения этнокофессиональных корней. Ее объединяла «дворцовая культура», представлявшая собой сплав византийских, арабо-мусульманских, персидских и тюркских элементов [Esherick, Kayali, Van Young, 2006, p. 12].

По мнению Д. Ливена, завоевание Сулейманом I (1520–1566) отдаленных и густонаселенных территорий при общей уязвимости и огромной протяженности коммуникаций ослабило эффективность имперского контроля [Lieven, 2000, p. 132]. С этого времени в империи обозначилась тенденция к децентрализации, которая также была связана с ее внутренней организацией, в целом подпадавшей под определение «веерной модели» – непрямого правления при исключении из ядра периферийных элит. Значительная автономия провинций способствовала впоследствии развитию национализма.

Мусульманское влияние на экономическое и культурное развитие Европы не исчезло с распадом Арабского халифата, и это касается не только широко известного заимствования «у турок» кофейен и военных оркестров. Развитие хлопковой индустрии и промышленная революция на Западе были непосредственно связаны с османским и индийским рынками. Европейцы переняли с Ближнего Востока технологии ткачества и окрашивания, а деше-

визна труда, повышающая конкурентоспособность османского и индийского текстиля, стала одной из главных причин изобретения и применения машин [Inalcik, 1996, p. 26–27].

И наконец, главной частью имперского наследия стала сама Турецкая Республика, первая мусульманская полития, сумевшая разделить светское и религиозное и выйти «из империи в нацию» (Р. Эмерсон). Инкорпорировав европейское влияние (а идея и практика национального строительства вошли в османское политическое поле через Балканы) и использовав богатый административный опыт, она вступила в современный политический процесс.

Тургут Озал и новый взгляд на османское наследие

После провозглашения в 1923 г. республики бюрократические элиты надолго забыли обо всем, что было связано с Османской империей, ассоциировавшейся с отсталостью и крупными политическими поражениями и потерями. М.К. Ататюрк и его последователи строили новую Турцию по европейской модели. Турецкий лидер мыслил нацию как сообщество, сформировавшееся из лиц, которые имели общее историческое наследие и искренне желали жить вместе и сохранять его. Членство в нации предполагало соблюдение трех основных условий: признание турецкого языка в качестве родного, принятие турецкой культуры и идеала тюркизма [Bali, 2006]. По сути это был антиимперский проект, основанный на отрицании культурной, языковой и этнической гетерогенности. Под него выстраивались официальная идеология и государственные институты. Слабость молодой республики, чудом избежавшей раздела и иностранного мандата, предопределяла поиск сильных патронов и умеренность международных амбиций.

Возрождение уважительного отношения и интереса к османскому наследию произошло в 1980-х годах при Т. Озале, вначале премьер-министре (1983–1989), а затем президенте (1989–1993) Турции. Первым эту тенденцию зафиксировал и назвал «неоосманизмом» журналист и аналитик Д. Барчард в работе «Турция и Запад» [Barchard, 1985, p. 91]. Вот что он писал о «новом опыте»: «В политических речах, газетах, как и школьных учебниках, особое внимание уделяется турецкому государству и необходимости укреплять его единство и власть... История Османской империи –

от ее расцвета в XVI в. до упадка в XIX в. – обычно преподносится в непосредственной связи с настоящим. Чувство принадлежности к наследникам великой империи окрашивает и турецкие официальные подходы, и в определенной степени общественное мнение» [ор. cit., p. 10]. По его мнению, политический потенциал формирующейся идеологии превосходит по силе даже ислам.

Под влиянием либерально-демократических реформ Т. Озала в начале 1990-х годов среди ведущих турецких интеллектуалов развернулась дискуссия относительно содержания понятия «неоосманизм». Как утверждает А.Ф. Боровалы, весомый вклад в эту дискуссию внесли три участника. Первый из них, колумнист газеты «Хюрриет» Х. Улуэнгин, ратовал за необходимость Турции примириться со своей историей, прежде всего с османским прошлым, рассматривая неоосманизм как психотерапевтический процесс по восстановлению разорванной связи между османской и республиканскими эпохами. Другой аналитик, обозреватель газеты «Сабах» З. Ливанели, ввел понятие «османский хинтерланд»¹ – естественного культурного наследия Турции, акцентировав тем самым необходимость развития культурных контактов с бывшими османскими территориями. Наконец, Дж. Чандар, поклонник озаловской политики, интерпретировал неоосманизм как переосмысление и использование османского опыта для решения внутренних и внешнеполитических проблем [Borovali, 1997–1998, p. 4].

Первым идеологом и практиком неоосманизма следует считать самого Т. Озала. Творчески мыслящий, эффективный либеральный политик и вместе с тем верующий мусульманин был поклонником США (где он, кстати, получил дополнительное высшее образование). С его точки зрения, Америка и Османская империя – схожие политические образования: для обоих характерна свобода различных культур, а также религиозных, этнических и экономических предпочтений населения [Laşiner, 2004, p. 163].

Подробный анализ взглядов Т. Озала, изложенных в его работе «Турция в Европе, Европа в Турции», был проведен С. Лачинером, который обратил внимание на следующие их особенности:

¹ Хинтерланд – территория, тяготеющая к центру.

– Турция не нуждается в изменении своих культурных традиций, менталитета и принятии европейских ценностей, поскольку она уже по умолчанию является частью Европы, европейской цивилизации («турки – европейские мусульмане»);

– исламская идентичность турок является не препятствием, а, наоборот, преимуществом для их европейской интеграции, поскольку тюркская версия ислама, т.е. синтез ислама и тюркской идентичности, отличается большей толерантностью и демократичностью по сравнению с другими версиями и способна обеспечить мир между мусульманами и представителями других конфессий;

– для преодоления отставания в развитии турецкому государству следует воспользоваться такими западными достижениями, как либерализм, права человека, демократия, технологические и научные инновации, и в этом смысле американизм мог бы служить для страны образцом¹;

– вступление Турции в ЕС будет способствовать институционализации демократии в республике [op. cit., p. 170–172].

Основой для таких взглядов турецкого лидера были как его идейные убеждения, так и бурное экономическое развитие страны, которое в 1980-х привело к формированию среднего класса и установлению стабильности, облегчивших сосуществование религиозных и традиционных ценностей с современными.

Особый интерес представляет отношение Озала к имперскому прошлому. Он считал, что османское наследие позволяет Турции решать региональные проблемы и предоставляет большие возможности для контроля над регионом. Его целью было сделать ее страной, которая может решать региональные проблемы путем переговоров, а не силы [Terzi, 2010, p. 31]. Так, единственным путем решения курдской, как и других ближневосточных проблем, могло бы быть создание федерации между Турцией, Ираком и Сирией. Свои первые официальные визиты в 1984 г. он нанес в Иран и Ирак.

Его инициативы по реформированию национальной политической системы (система штатов, президенциализм, локализация органов государственного управления) также были навеяны османской традицией. Сам национализм в понимании политика расходился с предыдущими (ирредентистскими, изоляционистскими)

¹ В 1987 г. Турция подала официальную заявку на членство в ЕС.

концепциями тюркизма и предполагал обеспечение экономического и культурного доминирования страны за счет сотрудничества с тюркскими республиками Кавказа и Центральной Азии [op. cit., p. 172–174].

Неоосманизм, исламизм и кемализм

В середине 1990-х годов заложенный Озалом идеологический фундамент нового османизма оказался востребованным сторонниками исламистских убеждений. Неоосманские мотивы, в частности, нередко звучали в речах и высказываниях одной из самых ярких политических фигур Турции – лидера Партии благоденствия (ПБ) и премьер-министра (1996–1997) Н. Эрбакана. Так, например, на съезде ПБ в 1997 г. он заявил, что целью его внешней политики является «создание Великой Турции точно так же, как это сделали османы» [цит. по: Yavuz, 1998, p. 23].

Однако для Эрбакана османизм не был самоцелью. Главной задачей его политики было внедрение в общественные и государственные институты исламских порядков и ценностей, сближение со странами исламского мира. Как ни странно, именно курс на политизацию ислама способствовал укреплению в умах турецких политиков неоосманского восприятия действительности (возможно, это ассоциировалось с соединением в империи принципов султаната и халифата (с 1517 г.) или, конкретнее, панисламизмом Абдул Хамида II). По мнению С. Константинидиса, реосманизация Турции проходила параллельно процессу реисламизации [Constantinides, 1996, p. 325]. В результате исламский вектор Эрбакана стали именовать «вторым изданием» неоосманизма [Бахревский, 2011] или продолжением озализма [Bayar, 1992].

Константинидис предложил использовать понятие «неоосманизм» для объяснения устремлений Турции играть роль регионального лидера на Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе и в Центральной Азии. В его интерпретации неоосманизм – это «внешняя политика, основанная на имперских османских традициях». В качестве характеристик неоосманской имперской модели он выделяет следующие:

– усиление исламского фактора во внешней политике (но без отказа от европейского вектора);

- отход от кемалистского наследия;
- оказание покровительства тюркским меньшинствам (в основном, в балканском регионе) [Constantinides, 1996, p. 323].

Более широкая трактовка неоосманизма была предложена англоязычным тюркологом Х. Явузом, выдвинувшим тезис, что неоосманский (турецко-исламский) дискурс отражает формирование новой политической идентичности, в основе которой – «плюрализирующая и популистская исламская идеология». Основными факторами подъема этого дискурса он считает как общественные преобразования, создавшие либеральную политико-экономическую среду и способствовавшие появлению в эшелонах власти происламистских элит, так и геополитические изменения после окончания «холодной войны» [Yavuz, 1998, p. 21–22].

Раскрывая внутреннее содержание неоосманизма, Явуз обозначает его как мировоззрение, основанное на избирательном прочтении османской системы управления, в частности, плюралистическом и прагматичном подходе к вопросам религиозной, культурной и этнической идентичности. В этом контексте идентичность турецких граждан определяется не через расовые и этнические характеристики, а через общий османский исторический опыт и широкую, диффузную принадлежность к исламу¹ [op. cit., p. 22].

Внешние параметры неоосманизма, по мнению исследователя, имеют мощное этническое (турецкое) начало, так как туркам отводится центральная роль в реализации нового имперского проекта в мусульманском мире. Ареалом же применения этих амбиций являются в основном исторические «западные фронтиры османской ойкумены», т.е. балканские государства, где сохранилось мусульманское население бывшей империи. При этом неоосманизм направлен не на воскрешение объединенного османского сверхгосударства, а на создание новой макроидентичности среди народов, разделяющих общее османо-исламское прошлое [op. cit., p. 23, 40]. В такой интерпретации это явление можно определить как реартикуляцию турецкого национализма в рамках формирования национально-цивилизационной идентичности, которая в условиях глобализации может стать одним из главных факторов интеграции и

¹ Демографический состав Турции во многом определяет ее видение внешней политики: там проживают крупнейшие диаспоры боснийцев, албанцев, чеченцев, абхазов, а также другие этнические группы.

самоопределения постосманских политий на Балканах, Кавказе и Ближнем Востоке (о национально-цивилизационной идентичности см.: [Пантин, 2012, с. 114–116]).

Амбициозные проекты иногда сопровождаются конфронтационной риторикой. В 1980-е годы Озал нередко критиковал политику руководства Ирака и Болгарии [Laçiner, 2004, p. 169], а нынешнее турецкое руководство публично высказывает свое недовольство политикой некоторых ближневосточных лидеров. Министр иностранных дел А. Давутоглу объясняет такой подход нежеланием Анкары оставаться безучастной к событиям в регионе [Türkiye'nin bölgeye ilgisi...].

Внешнеполитическая доктрина Ахмета Давутоглу

В начале XXI в. неоосманизм стал магистральным направлением турецкой внешней политики. Во многом резкий всплеск проимперских настроений был сопряжен с приходом к власти умеренно исламистской элиты через Партию справедливости и развития (ПСР) и появлением в 2001 г. фундаментального труда «Стратегическая глубина: международное положение Турции», написанного тогда еще университетским ученым-международником А. Давутоглу [Davutoğlu, 2009]. Работа содержит рекомендации по возвращению Турции былого могущества.

Давутоглу представляет подробный анализ озаловского неоосманизма, характеризуя его как попытку реагирования на динамично меняющиеся международные реалии в период после окончания «холодной войны». В похожих условиях, по его мнению, находилась Османская империя в эпоху Танзимата (1839–1876), когда стремилась сохранить целостность страны путем реализации доктрины османизма. В этом контексте он проводит следующие аналогии:

- реформирование государства с целью обеспечения соответствия международной конъюнктуре;
- попытка формирования новой политической идентичности и культуры с целью защиты от возрождения националистических движений, угрожающих целостности государства;
- принятие эклектичного подхода, позволяющего обеспечить сочетание западных ценностей с традиционными;

– стремление к интеграции в европейские политические объединения;

– курс на стратегическое сближение с державами-гегемонами (в XIX в. – Великобритания, в конце XX в. – США) [Davutoğlu, 2009, s. 85].

Эти аналогии убедительно демонстрируют преемственность идей османизма и озаловского неоосманизма. Но можно ли говорить о преемственности применительно к концепции самого Давутоглу? На наш взгляд, однозначного ответа на этот вопрос дать нельзя, поскольку в период ее появления и последующей реализации изменились внутри- и внешнеполитические условия и, соответственно, смыслы стоящих перед ТР задач. Если идеи османских реформаторов и президента Т. Озала были разработаны с целью противостояния вызовам и угрозам своего времени и имели по сути протекционистский характер, то подход Давутоглу пронизывает мысль о необходимости активного продвижения турецких интересов, прежде всего на постосманском пространстве. Относительно стабильная политическая обстановка и мощное экономическое развитие в Турции в первом десятилетии XXI в. создали, в отличие от предшествующих эпох, благоприятную атмосферу для воплощения этих замыслов в жизнь (впрочем, региональные пертурбации в связи с «арабской весной» нанесли серьезный удар по планам турецкого политика).

Стержень концепции Давутоглу – это Турция как великая держава, которая долгое время пренебрегала своими историческими, экономическими и политико-дипломатическими связями с государствами, расположенными в соседних регионах (Ближний Восток и Северная Африка, Балканы, Средиземноморье, Центральная Азия, Кавказ, Черноморский регион). Этот великодержавный потенциал он и называет «стратегической глубиной», имеющей два измерения: историческую и географическую глубину. Первое означает глубокие исторические корни в регионе. Второе – расположение в центре многих геополитических сфер влияния. В связи с этим автор предлагает забыть о «периферийном прошлом» страны и провести анализ ее преимуществ с целью трансформации в ключевое / осовое государство и в перспективе – в глобального игрока [Davutoğlu, 2009].

В основе современной внешней политики Турции должны, с его точки зрения, лежать следующие принципы. Первый – определение баланса между безопасностью и демократией. Второй – «обнуление проблем» в отношениях с соседями, т.е. вовлечение всех региональных сил в конструктивное взаимодействие. Третий – активная и превентивная мирная дипломатия в отношении соседних регионов. Четвертый – многовекторная внешняя политика, эффективное использование международных форумов и новых инициатив для решения вопросов, представляющих взаимный интерес (ООН, НАТО, ОИК и др.). Пятый – создание «нового образа Турции» через общественную дипломатию [см.: Шлыков, 2012; Erşen, 2013].

Внешнеполитическая теория и практика

Практическая реализация доктрины началась в середине 2000-х годов с назначением Давутоглу на должность советника по внешней политике премьер-министра Р.Т. Эрдогана (ПСР). Окончательно концепция перешла из теоретической плоскости в практическую, когда в 2009 г. Давутоглу получил портфель министра иностранных дел. Оценить ее эффективность можно через анализ внешнеполитического курса ТР.

В качестве одного из наиболее заметных и действенных инструментов дипломатии Давутоглу отмечается принцип «ноль проблем с соседями», который был закреплен в официальных документах МИД Турции. Его реализация способствовала качественному повышению уровня политических и экономических отношений практически со всеми соседними государствами – Россией, Грецией, Болгарией, Румынией, Сирией, Ираком, Ираном, Грузией, Азербайджаном. Однако растопить лед в отношениях с Арменией и Кипром не удалось¹. Таким образом, национальные интересы Турции в регионе получили более активное продвиже-

¹ Предпринятые попытки по нормализации отношений ТР с Ереваном («футбольная дипломатия» президента А. Гюля, подписание Цюрихских протоколов об установлении дипломатических отношений и развитии двусторонних отношений) и поддержка Анкарой переговорных инициатив генеральных секретарей ООН по кипрскому урегулированию не принесли ожидаемых результатов и в конечном итоге оказались неудачными [Sözen, 2010, p. 116].

ние, чем предусмотрено желанием «устранить все проблемы в отношениях с соседями или минимизировать их, насколько это возможно» [Policy of Zero Problems...].

Сомнения относительно заинтересованности министра А. Давутоглу в создании «пространства мира и стабильности» в регионе усилились, когда у Турции возникли проблемы с политикой «нулевых проблем» [Kouskouvelis, 2013]. Наиболее заметно это проявилось в отношениях с ближневосточными соседями (Сирией, Ираном и Ираком). Проводимая Анкарой на протяжении нескольких лет тонкая настройка добрососедских связей с этими государствами посредством создания торгово-экономических механизмов сотрудничества была сорвана в результате дестабилизировавшей весь регион «арабской весны». Расхождения в подходах к этим событиям между Турцией и ее соседями привели к нарастанию напряженности и конфронтации на политическом уровне. Данный феномен с иронией стали именовать «ноль соседей без проблем» [Taşpınar, 2012, p. 135].

Существенные трансформации произошли в структуре внешней политики Турции, которая выросла до уровня «многоплановой» и «разносторонней» [Sözen, 2010, p. 116]. Диверсификацию отношений Анкара осуществляла прежде всего за счет налаживания контактов на высшем уровне и стремительного открытия дипломатических представительств в новых точках – странах Латинской Америки, Юго-Восточной Азии и Африки. К примеру, на «черном континенте» количество посольств ТР всего за три года (2009–2012) было увеличено с 12 до 33. Наряду с этим правительство ПСР значительно расширило дипломатический инструментарий. К продвижению национальных интересов за рубежом были привлечены бизнес-сообщество, некоммерческие, правозащитные и культурные организации. Сегодня практически ни один зарубежный визит турецкого государственного деятеля не обходится без участия сопровождающей его солидной делегации бизнесменов, а в программу визитов иностранных гостей обязательно включается проведение деловых форумов. Эти примеры являются наглядным доказательством нацеленности турецкого руководства на формирование инструментов «мягкой силы» (Дж. Най).

Такая внешняя политика Турции могла бы выглядеть вполне закономерной, если бы не одно ее специфическое свойство – ярко

выраженный религиозный оттенок. Доступ к правительственным инициативам и финансированию получают в основном имеющие исламистскую направленность ассоциации предпринимателей (МЮСИАД, ТУСКОН) и НКО («Кимсе йок му», «Турецкий красный полумесяц»)¹. В последнее время оживилась также внешняя активность Управления по религиозным делам. Его глава М. Гёрмез часто выступает в качестве инициатора международных конференций и симпозиумов с участием как исламского духовенства, так и представителей других религий. Исламское направление заметно и в деятельности Турецкого агентства сотрудничества и координации (ТИКА)², которое помимо инфраструктурных проектов занимается реставрацией и возведением мечетей (в основном это османские постройки в балканских странах с мусульманским населением – Боснии и Герцеговине (БиГ), Косове (Сербия).

Использование Турцией исламских элементов во внешней политике особенно чувствительно воспринимается христианским населением на Балканах, в памяти которого еще живы негативные последствия османского владычества. Активная политическая и экономическая поддержка Анкарой мусульманского населения в Албании, БиГ, Косове и мусульманских меньшинств в других балканских государствах подкрепляет их убежденность в неоимперских амбициях Турции. Например, некоторые сербские авторы считают, что геополитические интересы Турции направлены на формирование так называемого «зеленого коридора», т.е. построение цепочки мусульманских политий от Стамбула до северо-востока Боснии [Trifkovic, 2011, p. 94]. В результате неоосманизм трактуется как разжигание сепаратистских настроений и угроза региональной стабильности и безопасности на Балканах.

В то же время прозападные турецкие эксперты придерживаются мнения о том, что новый курс не направлен на исламизацию турецкой внешней политики, а, скорее, продвигает турецкую мо-

¹ О масштабах и глубине интеграции гуманитарных, экономических и общественно-политических ресурсов турецкого политического ислама см.: [Люкманов, 2011].

² Турецкое агентство сотрудничества и координации (ТИКА) – государственное агентство, созданное в 1992 г. и подчиняющееся Министерству иностранных дел Турции. Основное направление деятельности – реализация внешней помощи, выделяемой турецким правительством развивающимся странам.

дель «исламской демократии». С их точки зрения, ПСР является самой проевропейской и продемократической политической партией, работающей усерднее всех предыдущих правительств Турции над интеграцией в ЕС [Taşpınar, 2012, p. 130]. Сближение Турции с исламским миром оценивается через призму расширения геостратегических горизонтов страны, в прошлом одержимой следованием исключительно западной траектории. В числе определяющих политический курс ПСР факторов выделяются также желание примириться с османским наследием во внутренней и внешней сферах и приобрести чувство величия и уверенности в себе [Taşpınar, 2011, p. 2]. Сочетание двух характеристик (европейскости и имперскости) в турецкой идентичности любит подчеркивать сам Давутоглу, утверждая, что его нация является «не только османами, но и европейцами» [Türkiye'nin bölgeye ilgisi...].

События «арабской весны» отчетливо показали, что для продвижения национальных интересов в регионе Ближнего Востока и Северной Африки Турция не собирается отказываться ни от долгосрочных союзнических отношений с Западом, ни от идеи лидерства в мусульманском сообществе. Наоборот, Анкара решила двигаться в обоих направлениях одновременно. С одной стороны, выступив совместно с западными государствами в поддержку протестных и оппозиционных движений против авторитарных режимов, она рассчитывала значительно улучшить свои имидж и влияние в исламском мире. С другой стороны, усиление ее позиций в регионе должно было продемонстрировать Западу растущую роль Анкары в его взаимоотношениях с арабскими странами.

Однако в реальности выдержать чистоту курса оказалось сложно. Став наряду с монархиями Персидского залива одним из главных региональных игроков, продвигающих процессы «демократизации», правительство ПСР заморозило отношения с политическим руководством охваченных волнениями стран и вступило в противостояние с рядом исламских государств, которые начали обвинять Турцию в пособничестве Западу (Иран) и имперских амбициях (Ирак, Сирия). Двойные стандарты (или прагматизм) турецкой политики обнаружились и в ее довольно спокойном отношении к подавлению правящими суннитскими элитами мирных демонстраций шиитов на Бахрейне.

В подходах Турции и Запада (прежде всего США) к событиям в регионе также обозначились разночтения. Некоторые последствия усиления исламистских сил, в том числе радикальных, в результате «арабского пробуждения» (убийство посла США в Ливии, террористическая активность «Джабхат Ан-Нусра» в Сирии, попытка захвата власти исламскими экстремистами в Мали) заставили западные страны проявить сдержанность в отношении поддержки революционных настроений на Арабском Востоке. Анкара, напротив, демонстрировала крайнюю заинтересованность в приходе к власти представителей политического ислама, рассматривая их убеждения как близкие идеологии правящей ПСР. Такая позиция позволила Турции весьма быстро наладить отношения с новыми властями Египта, Туниса, Ливии. Однако турецкая инициатива оказалась неприемлемой для Запада. Например, он не оказал существенной поддержки созданному по инициативе Турции Сирийскому национальному совету (СНС), состоящему в основном из сторонников движения «Братья-мусульмане», и предпочел объединить сирийских оппозиционеров под собственной зонтичной структурой – Национальной коалицией сирийских оппозиционных и революционных сил, в которую также был включен СНС.

Исследователи отмечают и другие моменты, свидетельствующие об определенном дистанцировании Турции от Запада. Это, например, критическая позиция в отношении действий Израиля в палестинском вопросе (Давосский инцидент 2009 г., инцидент с «Флотилией свободы» 2010 г.), особая позиция по иранской ядерной программе, обход санкций на закупку иранских нефти и газа, нарушение морской блокады «оккупированной» Абхазии, развитие многостороннего партнерства с Россией, включая диалог в период грузино-осетинской войны. Нерешенным остается вопрос о членстве ТР в ЕС.

Заключение: «Неоосманизм» как политика новых обстоятельств

Что же значит термин «неоосманизм» в характеристике внешнеполитического курса современной Турции? По нашему мнению, это прежде всего новые мировосприятие и самоощущение, обусловленные не ностальгией по империи, но изменившимися

обстоятельствами мировой и внутренней политики. Отнюдь не случайно неоосманизм появляется в период нахождения у власти Т. Озала – во время бурного экономического развития страны и ее внутривластной стабилизации. Формирование среднего класса и преодоление масштабных социально-политических конфликтов сделало возможными идейные поиски вне рамок государственного национализма. Турция, которую многие политологи (в частности, С. Хантингтон) называли «расколотой страной», получила возможность развернуть общественно-политический дискурс о своей истории и религии, чтобы стянуть внутренний раскол между сторонниками европейской современности и традиционалистами, найти новую точку равновесия для продвижения вперед. Отсюда кажущееся на первый взгляд поразительным у либерала Озала убеждение в необходимости тюркско-исламского синтеза.

С другой стороны, конец 1980-х годов – это начало распада мировой системы социализма, изменение карты мира, исчезновение привычных врагов и появление новых угроз и новых возможностей в непосредственной близости у турецких границ, т.е. на постосманском пространстве. Прежде членство в западных институтах было определено главным образом необходимостью борьбы с коммунизмом; новая ситуация позволила несколько дистанцироваться от Запада и «разнообразить» свои национальные интересы, принимая во внимание в том числе общественное мнение (так, Турция предпочла активно не вмешиваться во вторую войну в Заливе (1990–1991)).

Наконец, усложнение мировой политики объективно привело к росту расхождений и противоречий в позициях самих западных партнеров Турции. Это открыло путь для более активной дипломатии и реализации имеющегося у страны политического, экономического, культурного потенциала. На этом пути она старается обрести новую нужность для Америки и Европы, нужность, определяемую не только размерами вооруженных сил. «Холодная война» замаскировала, но не уничтожила многие «несовместимости» между Турцией и ее союзниками (они проявляются и в истории с членством в ЕС). Новые мировые и региональные реалии позволяют не только не скрывать эту особенность, но плодотворно использовать ее.

Неоосманизм – прежде всего примирение страны со своей историей и восстановление преемственности идентичности. Во внешней политике это отнюдь не агрессия, но активность и прагматизм. Однако Давутоглу прав, когда выступает против использования этого термина: имперская традиция соединяет элементы, которые имеют разные смыслы для разных народов.

Литература

- Adanir F.* Turkey's entry into the concert of Europe // *European review*. – Cambridge, 2005. – Vol. 13, N 3. – P. 395–417.
- Bali R.* Politics of turkification during the single party period // *Turkey: nationalism, post-nationalism and the European Community* / Kieser H.L. (ed.) – L.; N.Y.: I.B. Taurus, 2006. – P. 43–49.
- Barchard D.* Turkey and the West. – L.; Boston: Routledge & Kegan Paul Ltd., 1985. – 100 p.
- Bayar A.* Neo-Osmanlilar // *Aktüel*. – Istanbul, 1992. – June 17, N 49. – Цит. по: Mufti M. Daring and caution in Turkish foreign policy // *The Middle East journal*. – Wash., D.C. – 1988. – Vol. 52, N 1. – P. 46–49.
- Borovali A.F.* Post-modernity, multiculturalism and ex-imperial Hinterland: Habsburg and Ottoman legacies revisited // *Perceptions: Journal of international affairs*. – Ankara, 1997. – Vol. 2, N 4. – P. 122–134.
- Constantinides S.* Turkey: the emergence of a new foreign policy. The Neo-Ottoman imperial model // *Journal of political and military sociology*. – Cambridge, 1996. – Vol. 24. – P. 323–334.
- Yazdir H.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin uluslararası konumu. – Istanbul: Küre Yayınları, 2009. – 584 s.
- Yazdir H.* Davutoğlu: Yeni Osmanlılıktan öte misyonumuz var // *Yeni Şafak*. – Istanbul, 2012. – Mode of access: <http://yenisafak.com.tr/politika-haber/davutogluyeni-osmanliliklktan-ote-misyonumuz-var-03.11.2012-420574> (Дата посещения: 15.05.2013.)
- Erşen E.* Turkish foreign policy and Russian-Turkish relations: Lecture given at MGIMO-University, 12 April 2012. – [Из личного архива И.В. Кудряшовой].
- Esherick J.W., Kayali H., Van Young E.* Introduction // *Empire to nation: historical perspectives on the making of the modern world* / Esherick J.W., Kayali H., Van Young E. (eds.). – Lanham; Boulder; N.Y.; Toronto; Oxford: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2006. – 430 p.
- Inalcik H.* The Meaning of legacy: the Ottoman case // *Imperial legacy: the Ottoman imprint on the Balkans and the Middle East* / Brown C.L. (ed.). – N.Y.: Columbia univ. press, 1996. – P. 17–29.
- Karpat K.H.* The politicization of Islam: reconstructing identity, state, faith and community in the late Ottoman state. – N.Y.: Oxford univ. press, 2001. – 533 p.

- Kouskouvelis I.* The problem with Turkey's «zero problems» // Middle East quarterly. – Philadelphia, Pen. – 2013. – Vol. 20, N 1. – P. 47–56.
- Laçiner S.* Özalism (Neo-Ottomanism): an alternative in Turkish foreign policy? // Journal of administrative sciences. – Montreal, 2003. – Vol. 1, N 1–2. – P. 161–202.
- Lieven D.* Empire: The Russian empire and its rivals. – L.: John Murray Publishers, 2000. – 486 p.
- Policy of zero problems with our neighbors // Ministry of Foreign Affairs of Turkey. The official site. – Mode of access: <http://www.mfa.gov.tr/policy-of-zero-problems-with-our-neighbors.en.mfa> (Дата посещения: 20.03.2013.)
- Sözen A.* A paradigm shift in Turkish foreign policy: transition and challenges // Turkish studies. – Essex, 2010. – Vol. 11, N 1. – P. 103–123.
- Taşpınar Ö.* The three strategic visions of Turkey // US-Europe analyses series. – Wash. D.C., 2011. – Mode of access: http://www.brookings.edu/~media/research/files/papers/2011/3/08%20turkey%20taspinar/0308_turkey_taspinar.pdf (Дата посещения: 14.05.2013.)
- Taşpınar Ö.* Turkey's strategic vision and Syria // Washington quarterly. – Wash. D.C., 2012. – Vol. 35, N 3. – P. 127–140.
- Terzi O.* The influence of European Union on Turkish foreign policy. – Farnham; Burlington: Ashgate Publishing, 2010. – 176 p.
- Trifkovic S.* Turkey as a regional power: Neo-Ottomanism in action // Политеиа. – Бая-Лука, 2011. – N 2. – С. 83–95.
- Türkiye'nin bölgeye ilgisi gereklilik değil ihtiyaç // Turkcebilgi.org. – 2009. – September, 4. – Mode of access: <http://www.turkcebilgi.org/haberler/guncel/turkiyenin-bolgeye-ilgisi-gereklilik-degil-ihiyac-317990.html> (Дата посещения: 15.03.2013.)
- Yavuz H.* Turkish identity and foreign policy in flux: the rise of Neo-Ottomanism // Critique: critical Middle Eastern studies. – L., 1998. – Vol. 7, N 12. – P. 19–41.
- Бахревский Е.* Политика «нового османизма» Турции и постсоветское пространство // Charta Caucasica. – 2011. – Ноябрь, 17. – Режим доступа: <http://www.caucasica.org/analytics/detail.php?ID=2077> (Дата посещения: 01.03.2013.)
- Еремеев Д.Е.* На стыке Азии и Европы: очерки о Турции и турках. – М.: Наука, 1980. – 238 с.
- Люкманов А.* Модернизация «по-османски» // Международная жизнь. – М., 2011. – № 10. – С. 35–49.
- Пантин В.И.* Национально-цивилизационная идентичность как фактор современного политического развития // Политическая идентичность и политика идентичности: В 2 тт. / Под ред. Семененко И.С. – М.: РОССПЭН, 2012. – Т. 2.: Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. – С. 116–132.
- Фадеева И.Л.* Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм – панисламизм), XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1985. – 271 с.
- Шлыков П.* Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Фонд исторической перспективы. – 2012. – Декабрь, 17. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/oikumena/vostok/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj-vesny_2012-12-17.htm (Дата посещения: 16.03.2013.)